

Почему люди удаляют написанные комментарии?

Slon.ru, 13.12.2013

<http://slon.ru/calendar/event/1034080/>

В конце ноября Сахаровский центр принимал у себя дискуссию «Год интернет-цензуры в России», в которой участвовали эксперты сайта Agentura.ru, центров «Сова» и «Панорама». Какие процедуры применяются сегодня для блокировки сайтов? Как работает самоцензура? Что ждет интернет в перспективе? Slon приводит фрагменты беседы.

Андрей Солдатов, главный редактор проекта Agentura.ru, соавтор книги «Новое дворянство. Очерки истории ФСБ»

Спустя год после начала действия реестра запрещенных сайтов можно подвести первые итоги, поговорить о том, какие прогнозы сбылись, а какие нет. Очевидно, что не подтвердились слова некоторых депутатов Госдумы о том, что интернет-фильтрация и реестр в частности будут работать исключительно в интересах защиты детей. Список за год расширился, и процесс этот продолжается. Прогнозировали также, что два существующих сегодня списка (реестр запрещенных сайтов и так называемый список Минюста, то есть сайты, запрещенные за экстремизм) сольются воедино, чего тоже не произошло. В то же время оправдались опасения относительно того, что появление реестра запрещенных сайтов приведет к внедрению технологии слежки *DPI (Deep packet inspection)*. Эта система уже внедрена практически повсеместно, и, по последней информации, Ростелеком разместил контракт на установку *DPI* в своих мобильных сетях по всей стране. При этом не подтвердились прогнозы о том, что *DPI* будет применяться по узбекскому варианту: подмена страниц в глобальных сервисах и возможность вычислить, кто пытался на неудобную страницу зайти. По крайней мере на данный момент технология *DPI* таким образом в России не используется. Российские власти и спецслужбы опираются на административный ресурс для давления на глобальные сервисы, и это оказывается гораздо эффективнее *DPI*.

Весной стало известно, что гиганты вроде *YouTube* и *Facebook* стали заметно лояльнее к запросам российских властей. Появилась информация о том, что *DPI* начала использоваться для слежки в связке с устройством *СОРМ*.

Александр Верховский, директор центра «Сова»

Можно сказать, что логики в расширении реестра запрещенных сайтов сегодня не наблюдается. Причина не в том, что во власти сидят какие-то безумцы, нет, просто субъектов инициативы слишком много. Я хочу сказать несколько, может быть, общих вещей. Во-первых, в споре тех, кто призывает пресекать злодеяния, совершаемые в интернете, и тех, кто считает, что в интернете ничего запрещать нельзя, потому что это зона абсолютной свободы, следует занять такую позицию: преступление, если это преступление, совершается вне зависимости от среды. То есть вопрос в содержании нарушения, а не в том, как оно было сделано. При этом желание убрать из интернета что-то злое и плохое не лимитировано ничем, кроме закона.

Так, недавно опубликованный приказ Роспотребнадзора, Роскомнадзора и ФСКН о том, какие сайты нужно блокировать, наводит на мысль, что представители этих ведомств существуют в несколько другом интернете, нежели все остальные. Там, например, написано, что должна быть заблокирована информация, возбуждающая сексуальные чувства по отношению к несовершеннолетним, либо оправдывающая сексуальное поведение в их же отношении. Если учесть, что *Facebook* полон несовершеннолетними, которые обсуждают сексуальные достоинства и недостатки друг друга, то нам гарантирована его тотальная блокировка при попытке это предписание выполнить.

Так же можно расценить и другую цитату: «Наличие указания на самоубийство как на способ решения проблем». Еще присутствует такая мистификация интернета. То есть то, что написано в сети, гораздо опаснее надписи на условном заборе.

Возьмем, например, законопроект, который, скорее всего, протащат через финальное чтение, дополняющий 282-ю и 280-ю статьи УК. Он приравнивает использование интернета к использованию СМИ. Значит, экстремистский призыв, прозвучавший в сети, будет караться сроком не до трех, а до пяти лет. Хотя понятно, что этот призыв мог прозвучать в никому неизвестном блоге, который читают два человека.

На практике вся процедура блокировок – внесудебная, что объясняется ее срочностью. Непонятно, правда, почему так – ведь запрещенный ролик уже висит, предположим, год и может провисеть еще два дня, пока из суда не будет получен ордер. В итоге процесс идет с таким размахом, что в какой-то момент конкретные случаи становится невозможно проводить через суды.

Недавний проект депутата Лугового, пожелавшего запретить призывы к еще не согласованным митингам, заставляет задуматься о том, сколько ресурсов должно быть на такие вещи потрачено. Что, в свою очередь, подталкивает к выводу: никто и не собирается блокировать все и вся, эти нормы вводятся специально для избирательного применения.

Ирина Бороган, заместитель главного редактор проекта *Agentura.ru*, соавтор книги «Новое дворянство. Очерки истории ФСБ»

Когда мы начинали дискуссии по поводу свободы в интернете, то о бизнесе думали в последнюю очередь, полагая, что если его это и коснется, то в отдаленном будущем. Оказалось, нет.

Около месяца назад была так называемая интернет-неделя, и президент Ru-Center Панов сказал, что за это время компании, предоставляющие хостинг, потеряли около 28% клиентов, пожелавших уйти на Запад, – в

Нидерланды, Германию и другие страны.

В уже упоминавшемся приказе Роспотребнадзора, Роскомнадзора и ФСКН, вступающем в силу в декабре, есть пункт, напрямую касающийся журналистов и свободы СМИ. Речь идет о фото-, видео- и текстовой информации, описывающей создание специальных условий для посева и выращивания растений, содержащих наркотические вещества, места их дикого произрастания, описание маршрутов проезда, прохода к ним, а также новые сорта, повышение урожайности и устойчивости к неблагоприятным метеорологическим условиям. Под это описание подпадает огромное количество информации. Несколько лет назад я готовила репортаж из Чуйской долины, практически полностью заросшей коноплей с, как мне рассказывали местные, очень высоким содержанием каннабинола. Репортаж был посвящен тому, как с этой проблемой пытаются бороться, чтобы местные не перерабатывали коноплю в наркотик, но успехом борьба не увенчивается. Естественно, там были и фотографии, и карта, потому что не все зрители знают, где эта местность находится. В общем, этот репортаж соответствует всем пунктам, приведенным выше. Абсурд! Вступающий в действие приказ должен заставить журналиста работать в режиме самоцензуры и в принципе отказаться от подготовки такого материала.

Еще один тревожный момент – это предложения по совершенствованию нормативно-правовых актов РФ в сфере информационной безопасности детей. Раз они были опубликованы на сайте Роскомнадзора, можно предположить, что скоро вступят в силу. Там есть идея ужесточить лицензионные требования к интернет-провайдерам за неэффективную фильтрацию контента. Пока меры наказания не прописаны, но, видимо, будут отнимать лицензию, причем очень быстро. Соответственно, и провайдер будет работать в режиме самоцензуры и заранее удалять вполне невинные материалы.

Наталья Юдина, эксперт центра «Сова»

С 1 ноября 2012 года в России действуют две параллельные системы блокировки сайтов. Первая – новая, реестр запрещенных сайтов, вотчина Роскомнадзора. Вторая система – список Минюста, он существует с 2007-го. За блокировку сайтов сейчас отвечает прокуратура, поэтому процедура тут более громоздкая, чем в случае с реестром. Но прокуратура чаще всего старается действовать через суд. Она обязывает провайдера ограничивать доступ к сайтам из-за материалов, признанных экстремистскими или не признанных, но вызывающих у прокуратуры такое подозрение. Основание для блокировки – федеральный список материалов, экстремистский характер которых подтвержден российскими судами. Зачастую материалы, туда добавленные, идентифицировать невозможно из-за большого количества ошибок, повторов (один материал может быть внесен несколько раз), из-за параллельно принятых в разных городах судебных решений.

Обоснованных решений, случаев, когда прокуратура не превысила собственных полномочий, мы насчитали 77 с момента начала действия закона (1 ноября 2012 года). За 2013 год их было 54. Ситуаций, в которых прокуратура свои полномочия все-таки превысила, в текущем году возникло 23, а с момента вступления в силу закона о реестре – 27. Также были внесудебные блокировки сайтов, их достаточно мало: три в 2008-м, один в 2009-м, два в

2010-м, три в 2011-м, семь в 2012-м и три в 2013-м. Информация по заблокированным данным особо не раскрывается, поэтому узнать, какие конкретно материалы интересуют прокуратуру, довольно сложно. Но из тех, что все-таки были раскрыты, большинство оказывается мусульманской литературой, книгами Гитлера, Геббельса, сайтами организаций типа ДПНИ.

Почему же эти два списка не слились? Во-первых, там разные технические параметры. Реестр действует по конкретным ссылкам, а в федеральном списке может быть указано одно название, и попробуй разберись, запрещен ли сам материал или ссылки на него. Также федеральный список – это довольно громоздкая вещь, а блокировки в основном происходят по нему. Все это открывает шикарные возможности для злоупотреблений. По-хорошему – список надо бы отменить, но пока не слишком понятно, что дальше будет с самим реестром.

Владимир Прибыловский, президент информационно-исследовательского центра «Панорама»

Казалось бы, сами интернет-провайдеры должны быть на стороне свободы слова, извлекать из нее коммерческую выгоду и понимать, что все ограничения ведут к сокращению количества пользователей. Но нет.

Многие провайдеры соревнуются между собой, кто быстрее обгонит паровоз цензуры. Именно они сейчас оказались главными цензорами.

Я знаю об этом на примере своего сайта «Антикомпромат»: несколько раз его пытались заблокировать, хотя никаких экстремистских материалов не было, а те, что появлялись, я удалял раньше какого-либо решения суда.

Под формулировкой «противоречит российскому законодательству» можно много чего позакрывать, и вот мой прогноз: не так давно был принят закон о защите персональных данных, где никакого разграничения между частными лицами и чиновниками нет, а под персональными данными понимаются сведения о коррупции. Возможно, как раз к моему сайту блокируют доступ, потому что кто-то позвонил и сказал, что ему не нравится, что у меня на сайте висит репост сообщения, например, Навального. И да, я признаю, что этот пост – нарушение закона о персональных данных в том виде, в котором он принят сейчас.

Большинство обычных пользователей смотрят теперь на свои сообщения в интернете и думают, а не коснутся ли их репрессии? Пишут, например, комментарий, а потом удаляют. То, что я удаляю материалы со своего сайта, это тоже типичный пример самоцензуры.

Андрей Солдатов

Я бы хотел задать вопрос и Наталье, и Александру. Как вы считаете, в дальнейшем мы будем жить с одним списком запрещенных сайтов или у каждого ведомства будет свой, число этих ведомств будет расти, а с ними – и количество списков запрещенных сайтов?

Александр Верховский

Я думаю, в ближайшее время ничего не изменится, миноустовский список никуда не денется как неотъемлемая часть антиэкстремистского закона, который никто не собирается менять. При этом как механизм истребления чего-то нежелательного он крайне неэффективен. Хотя бы потому, что работает медленно. Или, допустим, запретили книжку, а потом книжка выходит вторым изданием, и нужно снова собирать экспертов, проверять, совпадают ли эти два издания. Со страницами в интернете ситуация еще интереснее: сегодня она выглядит так, завтра – по-другому. Или один и тот же ролик, но с разными названиями. Именно по этим причинам ни в одной цивилизованной стране подобных списков и нет. Передо мной лежит интервью директора Роскомнадзора, в котором он говорит о своем диалоге с генпрокурором. Суть в том, что механизм блокировки доступа к предположительно экстремистским материалам планируют потихоньку полностью передать Роскомнадзору. Потому что понятно: гораздо эффективнее заблокировать в административном порядке, нежели в судебном. Быстрее и веселее.

В общем, списки не сольются, но в реестр Роскомнадзора будет попадать больше информации через внесудебный порядок. Так мы и получим два полноценных списка.

Андрей Солдатов

В связи с инициативой запрета художественных произведений возникает ощущение некоего Рубикона. То есть прежде тех, кто был против запретов, можно было маркировать как защитников педофилов и прочих криминальных личностей. Сейчас же запрет коснется всех. Зачем и почему происходит переход от цензуры, касающейся отдельных личностей, на цензуру, затрагивающую практически каждого? Причем в форме самой анекдотической.

Владимир Прибыловский

Чем больше запрещаешь, тем лучше для власти. Дубинка должна быть универсальной, чтобы ее можно было применить против кого угодно. Гораздо удобней, когда кого-то отдельно можно разрешить.

Например, отделить «Лолиту» от педофильских материалов, для Сергея Иванова, любителя англоязычной литературы, оставить «Тропик Рака», а остальных скопом запретить. То есть бить или не бить дубинкой, будет личным

решением держащего эту дубинку.

Александр Верховский

У меня просто есть ощущение, что нет никакого плана. Слишком много людей хотят внести свой вклад в борьбу. Не все нормы обязаны применяться, и те из них, которые вызывают раздражение у важной для власти аудитории, могут и не применяться.

Ирина Бороган

Как учат нас все антиутопии, написанные в XX веке, цензура не бывает умной. Пропаганда может быть умной, а цензура нет. Если общество отстывает и проигрывает власти, то власть всегда вводит цензуру. Сейчас вокруг Роскомнадзора с его списками появилась огромная индустрия по цензурированию. В Роскомнадзоре и Роспотребнадзоре есть отдел, где читают, рассматривают, маркируют продукцию, получают за это зарплату. И еще больше людей рвется, чтобы получить какие-то подряды на то, чтобы этим делом заниматься. А этических ограничений у них, к сожалению, нет.

Андрей Солдатов

У меня, в общем, нет особого оптимизма. Нужно поместить сегодняшнюю ситуацию в глобальный контекст, и станет ясно, что подобные процессы происходят не только в России. Когда у нас вводилась интернет-фильтрация, депутаты все время ссылались на опыт Великобритании. Российские власти вообще хорошо научились ссылаться на чужой опыт. Если брать исторический контекст, периоды полной свободы вообще очень коротки. Известный факт, что все самые интересные идеи развития общества в XVII–XVIII веках были высказаны сразу после Английской революции. Причина в том, что в течение 15–20 лет цензуры просто не было, а потом этот момент ушел, и до Французской революции люди имели дело с идеями, высказанными в тот короткий период. Наш период полной свободы, видимо, тоже закончился, и мы, возможно, в итоге придем к национальным версиям интернета вместо одной глобальной сети.